

**НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ОБ ОТДЕЛЬНЫХ
«ОСОБЕННОСТЯХ» УДМУРТСКИХ АНАЛИТИЧЕСКИХ
ДЕЕПРИЧАСТНЫХ КОНСТРУКЦИЙ**

Пишлёгер, Кристиан,
докторант Венского университета (Австрия)
christian.pischloeger@gmail.com

Аналитические деепричастные конструкции или «спаренные глаголы» (о различных названиях ср.: Pischlöger 2001: 45, Honti 2005: 33, Пишлёгер 2013: 202, более подробно о терминологии Bradley 2016: 35-45), как известно, в удмуртском языке образованы сочетанием деепричастий на *-са* с изменяемыми или неизменяемыми формами определенного круга глаголов (Кельмаков 1995: 90). Характерным для этих глаголов является то, что они теряют свое лексическое и семантическое значение и становятся (о терми-

нологии сравни Bradley 2016: 45-47) «вспомогательными глаголами» (Кельмаков 1995: 90). В таком случае мы можем говорить о грамматикализации. В работе М.К. Каракуловой (1987) можно найти примеры спаренных глаголов в удмуртском языке. Например, может меняться порядок слов, при котором финитный глагол опережает деепричастие и стоит перед ним: *лэзь кисьтыса, мед быдтоз ини вераса* (Каракулова 1987:181). М.К. Каракулова также отмечает, что между деепричастием и финитным глаголом могут быть подлежащее, дополнение, обстоятельство места (Каракулова 1987: 181). Именно о таких явлениях и их значении для степени грамматикализации спаренных глаголов в удмуртском языке пойдет речь в данной статье.

Что такое грамматикализация на примере испанского (вспомогательного) глагола «estar»?

Прежде чем говорить об удмуртских спаренных глаголах, хотелось бы привести пример из испанского языка, где произошел подобный процесс грамматикализации сочетания деепричастия с глаголом. Это сочетание служит для образования настоящего продолженного времени, подобно Present Continuous английского языка:

Que tu marido está en la ribera, de la mar et que ha por amigo un ximio; et están ambos comiendo et solazándose (13 th c., Calila e Dimna).

‘that your husband is at the seaside and that he has befriended a monkey; and they are [there] both of them eating and sunning themselves’ / ‘что ваш муж находится у моря и что он подружился с обезьяной; и они [там] оба едят и загорают.’

В испанском языке не произошла фонетическая редукция (Cacoullos – Walker 2011: 227), как в других языках, например в камасинском (Klumpp 2005), и в марийском (Bradley 2016: 79), что характерно для грамматикализации. Но имеются другие показатели грамматикализации сочетания деепричастия и (вспомогательного) глагола, которые можно показать с помощью статистических методов, как это сделали Какоуйос и Вокер (Cacoullos – Walker 2011). Именно смежность/соседство («adjacency»), т.е. отсутствие промежуточных элементов («lack of intervening material»), и взаимосвязь («association»), т.е. отсутствие многократных деепричастий («absence of multiple gerunds»). В течение веков явление смежность/соседство («adjacency») возросло: от 36% в XIII в. до 78% в XIX в. Взаимосвязь («association») возросла с 80% (XIII в.) до 92% (XIX в.) (Cacoullos/Walker 2011: 227-228). Прежде всего смежность/соседство служат свидетельством того, что синтагматическая вариабельность уменьшается с увеличением грамматикализации (Lehmann 1995: 158).

«Особенности» удмуртских спаренных глаголов

По мнению М.К. Каракуловой, приведенные ниже формы являются особенностями удмуртских спаренных глаголов: *Гольык пӧд кариськиз, ачамаос кузя тубиз, коньы сюрӧ вылтӧ бызьыса огнал пумысеныз мукет пал пумозяз шыр кадь кошкиз, ява.* ‘Разулся, поднялся по стропилам и, как мышшь, пробежал с одного конца слуги на другой’ (Каракулова 1987: 181–182). В приведенном примере мы видим, что между деепричастием и вспомогательным глаголом находятся семь элементов.

Беднакӧс но батракӧс вылын ворттылыса, вир юисъ чонарӧос музэн тордыса кылиллям. ‘Ездили на бедняках и на батраках, набухали, как кровопийцы-пауки’ (Каракулова 1987: 184). В этом примере мы видим, что вспомогательный глагол управляет двумя деепричастиями и между двумя деепричастиями находятся также пять элементов.

Нош Павка Корчагин ке озьы дауртысал? Соос ке тазы бырйиськыса улысалзы? Да ужысь негаса? Кузь коньдон утчаса? ‘А если бы Павка Корчагин так поступал? Если бы они так выбирали? Да с работы сбегали? Да длинный рубль искали?’ (Каракулова 1987: 184). Как считает М.К. Каракулова, в данных предложениях вспомогательный глагол управляет не только несколькими деепричастиями, между которыми могут находиться другие элементы, но связь может действовать и за пределами предложений.

В других языках такие явления у спаренных глаголов не встречаются, т.е. между деепричастием и вспомогательным глаголом не могут стоять знаменательные слова (Bradley 2016: 74, Ганиев 1963: 38).

Вопросы и выводы

Действительно ли приведенные М.К. Каракуловой примеры являются спаренными глаголами? Приведенные выше примеры дают основание говорить об обратном. Но все же можно предположить, на это имеются некоторые причины: исследователь как носитель языка считает, что свободные сочетания между деепричастиями и вспомогательными глаголами являются спаренными глаголами. А именно другие, так называемые спаренные, глаголы в удмуртском языке не имеют такую сильную связь, как в других языках, где есть аналитические деепричастные конструкции такого же типа. Может быть, удмуртский язык в зависимости от диалектов в различной мере заимствовал некоторые деепричастные конструкции как кальки из соседних языков, но это не стало продуктивной частью удмуртской грамматики, за исключением некоторых периферийно-южных диалектов (по данным Кельмакова 1995). По крайней мере, это слабое соседство/смежность («association») и взаимосвязь («adjacency») вместе с другими факторами:

более редкое использование спаренных глаголов, чем в соседних языках, отсутствие аллегрформ, их сомнительная продуктивность (Пишлëгер 2016), могут быть свидетельством, что они остались на лексическом уровне и не стали частью грамматики.

***

Ганиев Ф.А. Видовая характеристика глаголов татарского языка. – Казань, 1963.

Каракулова М. К. О некоторых особенностях удмуртских спаренных глагола // Советское финно-угроведение. – Tallinn, 1987. – № 23. – С. 179–185.

Кельмаков В.В. Спаренные глаголы в удмуртском языке: На материале кукморского диалекта // Вопросы удмуртского языкознания : сб. ст. / Удм. НИИ ист., экон., лит. и яз. при Сов. мин. Удм. АССР. – Ижевск, 1975. – Вып. 3. – С. 90–105.

Пишлëгер К. Удмуртские аналитические деепричастные конструкции в кросслингвистической перспективе // Языковые контакты народов Поволжья: актуальные проблемы морфологии и синтаксиса : материалы IX Междунар. симпозиума, Саранск, 13–15 июня 2013 г. / редкол.: М.В. Мосин (отв. ред.) [и др.]. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2013. – С. 202–208.

Пишлëгер К. Еще раз об аналитических деепричастных конструкциях в удмуртском языке. 2016 (в печати)

Bradley J. Mari Converb Constructions: Productivity and Regional Variance. – Wien, 2016.

Cacoullou R.T., Walker J.A. Collocations in Grammaticalization and Variation. // Bernd Heine & Heiko Narrog (eds.). The Oxford Handbook of Grammaticalization. 2011. – P. 225–238.

Honti L. Uráli «páros igék». / L. Honti // Folia uralica debreceniansa 12./ подред. L. Keresztes и др. – Debrecen: A Debreceni egyetem finnugor nyelvtudományi tanszékének kiadványai, 2005. – С. 61–84.

Klumpp G. Aspect markers grammaticalized from verbs in Kamas. Acta linguistica hungarica. – Vol. 52. – 2005. – P. 397–409.

Lehmann Ch. Thoughts on grammaticalization (LINCOS studies in theoretical linguistics 01). Lincom. – München – Newcastle, 1995.

Pischlöger Ch. Hilfsverbverbindungen in einigen uralischen und nichturalischen Sprachen // Congressus Nonus Internationalis Fenno-Ugristarum: 7. – 13.8.2000 Tartu. 6, / под ред. Т. Seilenthal. – Tartu, 2001. – С. 45–52.